

Минье Франсуа Огюст

**История французской
революции с 1789 до 1814 г**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф82

Ф82 **Франсуа Огюст М.**
История французской революции с 1789 до 1814 г / Минье Франсуа Огюст –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 550 с.

ISBN 978-5-519-96717-4

ISBN 978-5-519-96717-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ни одного примѣра подобнаго благоразумія: одна сторона постоянно отказывается отъ принесенія жертвъ, а другая ихъ требуетъ, и благо, какъ и зло, вводится при помощи насилій и захвата. Не было еще до сихъ поръ другого властелина, кромѣ силы.

Передавая исторію этого важнаго періода, со дня открытія генеральныхъ штатовъ и до 1814 года, я постараюсь, по мѣрѣ того какъ буду излагать ходъ революціи, истолковывать рѣшительныя моменты ея. Мы увидимъ, чья вина въ томъ, что, начавшись при обстоятельствахъ, обѣщавшихъ полный успѣхъ, она такъ жестоко выродилась; какимъ образомъ она привела Францію къ республикѣ и какимъ образомъ на обломкахъ этой послѣдней она воздвигла имперію. Эти различные фазы ея были почти неизбежны, такъ какъ событія, обусловившія ихъ, имѣли непреодолимую силу. Однако, было бы слишкомъ смѣло утверждать, что все это иначе и быть не могло; навѣрное можно сказать лишь одно, что революція, имѣя причины, которыя ее произвели, и со страстями, которыя она пробудила, должна была имѣть такой ходъ и такое окончаніе. Раньше чѣмъ приступитъ къ исторіи революціи, посмотримъ, что привело къ созыву генеральныхъ штатовъ, которые собственно и привели ко всему остальному. Я надѣюсь, что, излагая все, что предшествовало революціи, покажу, что избѣжать ее было такъ же трудно, какъ трудно было вести ее.

Французская монархія со времени своего основанія не имѣла ни постоянной формы, ни прочнаго государственнаго права. Въ первыя времена французской монархіи корона доставалась по выборамъ; верховная власть принадлежала націи, а король являлся только предводителемъ войскъ, зависящимъ отъ общей воли народа, постановлявшаго всѣ рѣшенія и опредѣлявшаго всякое предпріятіе. Нація избирала своего верховнаго главу, короля, подъ предѣлательствомъ котораго она осуществляла свою законодательную власть на марсовыхъ поляхъ, а судебную власть—въ низшихъ народныхъ собраніяхъ подъ управленіемъ одного изъ королевскихъ чиновниковъ. Эта королевская демократія во время феодальнаго режима уступила мѣсто

королевской аристократіи. Верховная власть усилилась, вельможи отняли ее у народа, подобно тому какъ впоследствии король отнял ее у вельможъ. Въ эту эпоху монархъ сдѣлался наследственнымъ владыкой, но не въ качествѣ короля, а какъ владѣлецъ лена; законодательный авторитетъ остался принадлежностью аристократіи въ ихъ обширныхъ владѣніяхъ или въ парламентахъ бароновъ; а судебная власть надъ подданными сосредоточилась въ рукахъ вассаловъ въ вотчинныхъ судахъ. Далѣе власть все болѣе и болѣе концентрировалась, переходя отъ большаго числа къ меньшему, и въ концѣ концовъ отъ небольшого числа представителей власть перешла къ одному. Въ продолженіе многихъ вѣковъ короли Франціи, рядомъ послѣдовательныхъ успѣй, разрушили феодальное зданіе и на его обломкахъ утвердили свою власть. Они завладѣли ленами, подчинили себѣ вассаловъ, уничтожили парламентъ бароновъ, уничтожили или подчинили себѣ вотчинные суды, — они приввопи себѣ законодательную власть, а судебная власть отпразлялась въ ихъ интересахъ парламентами юристовъ.

Генеральные штаты, которые созывались въ виду настоятельной нужды государства получить субсидію, составлялись изъ трехъ сословій — духовенства, дворянства и средняго сословія и никогда постоянного правильнаго значенія не имѣли. Возникнувъ во время усиленія королевской власти, сначала они пользовались господствующимъ вліяніемъ, впоследствии были совершенно уничтожены ею. Но наиболѣе сильную и упорную оппозицію своему возвышенію короли встрѣтили не со стороны этихъ собраній, сила и судьба которыхъ находилась въ ихъ рукахъ, а со стороны аристократіи, которая сначала защищала отъ короля свое господство, а потомъ свое политическое значеніе. Со времени Филиппа-Августа и до Людовика XI она боролась за сохраненіе своей власти; начиная съ Людовика XI и до Людовика XVI — за то, чтобы сдѣлаться орудіемъ королевской власти. Фронта была послѣдней кампаніей аристократіи. Въ правленіе Людовика XIV абсолютная монархія окончательно основалась и господствовала безпрепятственно.

Режимъ, господствовавшій во Франціи со времени Людо-

вика XIV и до революціи, скорѣе характеризуется полнымъ произволомъ, чѣмъ деспотіей, такъ какъ монархъ могъ гораздо больше того, что дѣлалъ. Развитію этого огромнаго авторитета ставились лишь слабыя преграды. Корона распоряжалась совершенно свободно—личностью при помощи бланковыхъ приказовъ объ арестованіи (*lettres de cachet*), собственностью—при помощи конфискаціи, доходами—при помощи налоговъ. Правда, нѣкоторыя корпораціи обладали средствами обороны въ видѣ такъ называемыхъ привилегій; но эти привилегіи очень рѣдко уважались. Такъ парламентъ пользовался привилегіей принимать или отвергать тотъ или другой налогъ, но король всегда заставлялъ его вносить налоги въ парламентскія росписи во время такъ называемыхъ королевскихъ засѣданій и наказывалъ ослушныхъ членовъ парламента ссылкой. Дворянство было освобождено отъ податей, духовенство имѣло право само себя облагать добровольными приношеніями; нѣкоторыя провинціи откупались отъ налога опредѣленными суммами, другія самостоятельно производили раскладку ихъ. Таковы небольшія гарантіи, которыми обладала Франція; кромѣ того всѣ эти гарантіи были направлены къ выгодамъ имущихъ классовъ и къ ущербу для народа.

Находящаяся въ такой зависимости Франція къ тому же была очень плохо организована; общественныя злоупотребленія дѣлались еще болѣе тяжелыми вслѣдствіе несправедливаго распредѣленія гражданскихъ правъ французовъ. Раздѣленная на три сословія, которыя въ свою очередь дѣлились на многочисленные классы, нація была предоставлена проявленіямъ деспотизма и злу, проистекающему отъ неравенства. Дворянство раздѣлялось частью на придворныхъ, живущихъ милостями короля, т.-е. на счетъ народа, получая въ свои руки управленіе различными провинціями или высшія должности въ арміи,—частью на дворянъ, недавно получившихъ дворянское достоинство, руководящихъ администраціей, занимающихъ должности интендантовъ и другія гражданскія мѣста; частью на судейское дворянство, завѣдывавшее судебною властью и имѣвшее исключительное право занимать судебныя должности; и, наконецъ, на дворянство

земельное, угнетавшее деревню, пользуясь своими феодальными правами, пережившими права политическія. Духовенство дѣлилось на два класса, изъ которыхъ однимъ были предоставлены епархіи и аббатства съ ихъ богатыми доходами, а другимъ—апостольское служеніе и бѣдность. Среднее сословіе, изнуренное налогами двора, унижаемое дворянствомъ, вдобавокъ было еще само раздѣлено на враждующія другъ съ другомъ корпораціи, организованныя для охраненія одностороннихъ интересовъ ихъ. Это сословіе владѣло едва одной третью всѣхъ земель, съ которой они принуждены были платить феодальный оброкъ помѣщикамъ, десятинный сборъ—духовенству и подати—королю. Въ возмездіе за всѣ эти жертвы они не пользовались никакими политическими правами, не принимали никакого участія въ управленіи и совершенно не допускались къ государственной службѣ.

Людовикъ XIV подвергъ пружины абсолютной монархіи слишкомъ долгому и слишкомъ сильному напряженію. Властолюбивый, раздраженный смутнымъ временемъ юности, онъ уничтожилъ всякое противодѣйствіе, всякую оппозицію, какъ со стороны аристократіи, проявлявшіяся въ видѣ возмущеній, такъ и со стороны парламента, проявлявшіяся въ видѣ предостереженій, а также и со стороны протестантовъ, стремившихся къ свободѣ совѣсти, что церковь объявила ересью, а король—мятежемъ. Людовикъ XIV покорилъ аристократію, призвавъ ее ко двору, гдѣ цѣною своей независимости она купила себѣ удовольствія и милости. Парламентъ, бывшій до тѣхъ поръ орудіемъ королевской власти, пожелалъ быть равносильнымъ ей, за что король высокомерно заставилъ его смириться и замолчать на шестьдесятъ лѣтъ. Наконецъ отмѣна Нантскаго эдикта была послѣднимъ дополненіемъ къ этимъ проявленіямъ деспотизма самовластное правительство не только не хотѣло встрѣчать сопротивленіе, но желало еще, чтобы его одобряли и ему подражали. Подчинивъ себѣ всякое проявленіе общественной дѣятельности оно преслѣдуетъ свободу совѣсти, а когда у него не осталось больше политическихъ противниковъ, оно начало искать новыхъ жертвъ среди религіозныхъ диссидентовъ. Безграничная власть Людовика XIV внутри государства была направлена противъ

еретиковъ, а выйди за предѣлы его, направилась противъ Европы. Система притѣсненій нашла совѣтниковъ—въ лицѣ честолюбцевъ, служителей—въ драгунахъ, нашла успѣхъ, который поощрялъ ее къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Язвы, разѣдавшія Францію, были покрыты лаврами, ея стоны заглушены побѣдными пѣснями. Но въ результатѣ всего этого, когда перемерли даровитые люди, прекратились побѣды, промышленность перешла въ другія страны, деньги исчезли, стало вполне ясно, что деспотизмъ своими усѣхами исчерпываетъ свои собственные средства и впередъ уничтожаетъ свое собственное будущее.

Смерть Людовика XIV послужила сигналомъ реакціи: произошелъ рѣзкій переходъ отъ религіозной истеричности къ невѣрію, отъ духа покорности—къ протестамъ. За время регентства, третье сословіе увеличило свое значеніе, какъ увеличивъ свое матеріальное благосостояніе, такъ и возвысившись нравственно, между тѣмъ какъ дворянство все болѣе и болѣе теряло свое нравственное достоинство, а духовенство—свое вліяніе. Въ царствованіе Людовика XIV дворъ велъ менѣе блестящія и очень разорительныя войны; онъ началъ тайную борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ и явную съ парламентомъ. Воцарилась полная анархія, управленіе попало въ руки любовницъ, власть пришла въ полной упадокъ, и оппозиція съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалась.

Положеніе парламентовъ и сама система пѣхъ измѣнилась. Король предоставилъ имъ власть, которую потомъ они обратили противъ него. Въ тотъ моментъ, когда общими успѣхами парламента и королевской власти остатки аристократіи были окончательно разбиты, они сами раздѣлились, какъ всякіе соратники послѣ побѣды. Королевская власть стремилась разбить едѣлавшееся опаснымъ для нея, переставъ быть полезнымъ; а парламентъ въ свою очередь хотѣлъ подорвать королевскую власть. Эта борьба между королемъ и парламентомъ, которая при Людовикѣ XIV была все время благопріятна коронѣ, при Людовикѣ XV велась съ перемѣннымъ счастіемъ, а закончилась революціей. По самой своей природѣ парламентъ не можетъ не быть орудіемъ. Его привилегіи и корпора-

тивное честолюбіе заставляли его всегда противостоять силѣ и помогать слабымъ; поочередно онъ помогалъ сначала коронѣ противъ аристократіи, потомъ народу противъ короны. Это и сдѣлало его столь популярнымъ въ царствованіе Людовика XV и Людовика XVI, хотя онъ нападалъ на корону исключительно изъ соперничества съ нею. Общественное мнѣніе не требовало отчетовъ въ побужденіяхъ, руководившихъ имъ; оно сочувствовало не его властолюбію, а его сопротивленію; оно его поддерживало, потому что нашло въ немъ защиту. Одобряемый и поощряемый такимъ образомъ, парламентъ сталъ грознымъ для королевской власти. Сопротивленія парламента, послѣ того какъ пять было отвергнуто завѣщаніе самаго деспотическаго короля, требовавшего полнаго повиновенія, послѣ того какъ онъ возсталъ противъ семилѣтней войны, получилъ контроль надъ всѣми финансовыми операціями и настоялъ на уничтоженіи іезуитовъ, сдѣлались такъ энергичны и такъ часто повторялись, что дворъ, встрѣчая ихъ на каждомъ шагу, наконецъ понялъ, что ему необходимо или повиноваться парламенту или подчинить его себѣ. И онъ рѣшилъ привести въ исполненіе планъ преобразованія парламента, предложенный канцлеромъ Мону. Этотъ смѣлый человѣкъ, который, по собственному его выраженію, былъ призванъ, чтобы освободить корону изъ-подъ ига приказныхъ, замѣнилъ этотъ враждебный парламентъ другимъ, болѣе послушнымъ. Велѣдъ затѣмъ и вся магистратура Франціи, по примѣру парижской, потерпѣла ту же участь.

Но прошло время, благоприятное для государственныхъ переломовъ. Самовластіе было настолько уже дискредитировано, что король едва отваживался имъ пользоваться, встрѣчая неодобреніе даже со стороны двора. Образовалась новая власть, власть общественнаго мнѣнія, хотя и не признавая еще, но тѣмъ не менѣе получившая уже такое вліяніе, что рѣшенія ея становились законами. Нація, которая до сихъ поръ совершенно игнорировалась, мало-по-малу возстановляетъ свои права; она хотя и не принимаетъ еще участія въ управленіи, но оказываетъ на него вліяніе. Такимъ путемъ образуется великая новая сила; сна-

чала она не принимаетъ участія въ управленіи, а только наблюдаетъ извнѣ; затѣмъ она переходитъ отъ права контроля къ праву содѣйствія. И вотъ, наконецъ, настало время, когда среднее сословіе должно было получить свое право участія въ правленіи. Оно уже раньше дѣлало попытки къ полученію этого права, но эти попытки были безплодны, такъ какъ были преждевременны; раньше оно не имѣло еще ничего, чѣмъ бы могло возвыситься, и не было достаточно сильно, чтобы пріобрѣсти власть, такъ какъ право свое можно получить только силою. Поэтому оно было только третьимъ сословіемъ, занимая третье мѣсто какъ при возстаніяхъ, такъ и въ генеральныхъ штатахъ; все дѣлалось при помощи его, но ничего для него. При феодальной тираніи оно служило королямъ противъ господъ; во время министерскаго и фискальнаго деспотизма оно служило знати противъ короля; но въ обоихъ этихъ случаяхъ оно являлось лишь орудіемъ, въ первомъ — короны, во второмъ — аристократіи. Борьба велась въ чуждой ему сферѣ и за чуждые интересы. Когда аристократія во время фронды была окончательно побѣждена, третье сословіе сложило оружіе, что достаточно показываетъ, насколько роль его была второстепенной.

Наконецъ, послѣ цѣлаго вѣка абсолютнаго подчиненія третье сословіе появляется на сценѣ, но уже дѣйствуетъ за свой собственный счетъ. Что прошло, то не вернется, и для аристократіи не было уже возможности вновь подняться послѣ ея паденія, такъ же какъ невозможно это было и для абсолютной монархіи. У королевской власти долженъ былъ явиться новый противникъ, такъ какъ никогда нѣтъ недостатка въ кандидатахъ на власть. Этимъ противникомъ явилось третье сословіе, сила котораго, богатство, просвѣщеніе и самостоятельность росли съ каждымъ днемъ; оно должно было побѣдить королевскую власть и ограничить ее. Парламентъ былъ корпораціей, но не являлся сословіемъ; въ этой новой борьбѣ онъ могъ способствовать переходу власти изъ однихъ рукъ въ другія, но не могъ удержать ее для себя.

Дворъ самъ способствовалъ прогрессу третьяго сословія, помогая развитію одного изъ наиболѣе сильныхъ средствъ

его — просвѣщенію. Одинъ изъ самыхъ неограниченныхъ монарховъ помогаль движенію умовъ и противъ своего желанія создалъ общественное мнѣніе. Поощряя восхваленіе, онъ подготовилъ осужденіе, такъ какъ нельзя вызывать изслѣдованіе, направленное въ свою пользу, безъ того, чтобы потомъ оно не обратилось вамъ во вредъ. Когда кончились хвалебныя пѣсни, начался изслѣдованіе, и философы восемнадцатаго вѣка смѣнили литераторовъ семнадцатаго. Религія, законы, злоупотребленія—все являлось для нихъ предметомъ изслѣдованія и размышленія. Они раскрывали права народа, выражали его нужды, указывали на несправедливости. Этимъ путемъ образовалось сильное и просвѣщенное общественное мнѣніе, удары котораго чувствовало правительство, но не осмѣливалось заглушить его голосъ. Къ общественному мнѣнію прислушивались даже тѣ, на которыхъ оно нападало: придворные во имя моды, власти, въ силу необходимости подчинялись его требованіямъ; такимъ образомъ вѣкъ реформъ былъ подготовленъ вѣкомъ философіи, такъ же точно какъ этотъ послѣдній былъ подготовленъ вѣкомъ процвѣтанія изящныхъ искусствъ.

Вотъ въ какомъ состояніи была Франція, когда 11-го мая 1774 года вступилъ на престолъ Людовикъ XVI. Новое царствованіе получило въ наслѣдство отъ предыдущаго большія затрудненія: разстроенные финансы, которые не могло исправить ни экономное и миролюбивое министерство кардинала Флеря, ни ведущее къ банкротству министерство аббата Терре, неуваженіе къ власти, несговорчивый парламентъ и властное общественное мнѣніе. Изъ всѣхъ королей Людовикъ XVI по своимъ намѣреніямъ и качествамъ лучше всего подходилъ къ своей эпохѣ. Всѣ были утомлены отъ произвола, онъ былъ склоненъ не пользоваться имъ: всѣ были раздражены ужаснымъ распутствомъ двора Людовика XV, — новый король отлпчался чистотою нравовъ и умѣренностью своихъ потребностей; всѣ требовали реформъ, которыя сдѣлались неизбежными,—онъ сознавалъ общественныя нужды и гордился, что могъ ихъ удовлетворить. Но дѣлать добро было такъ же трудно, какъ и продолжать зло. Надо было бы имѣть силу,

какъ для того, чтобы заставить привилегированные классы подчиниться реформамъ, такъ и для того, чтобы заставить народъ переносить злоупотребленія, а Людовикъ XVI не былъ ни преобразователемъ, ни деспотомъ. Ему не хватало той великой силы воли, которая одна только способна производить государственные перевороты и которая одинаково необходима какъ монарху, который хочетъ ограничить свою власть, такъ и монарху, желающему ее усилить. Людовикъ XVI имѣлъ здравый умъ, прямое и доброе сердце, но не обладалъ энергичнымъ характеромъ и не могъ настойчиво вестъ дѣла. Его проекты улучшеній встрѣчали препятствія, которыхъ онъ не предвидѣлъ и которыя онъ не успѣлъ побѣдить. Такимъ образомъ, онъ палъ благодаря своимъ попыткамъ реформъ, какъ другой могъ бы пасть, отказавшись отъ нихъ. Его царствованіе вплоть до созыва генеральныхъ штатовъ было рядомъ безрезультатныхъ попытокъ улучшеній.

Выборъ Морепа премьеръ-министромъ, который сдѣлалъ Людовикъ XVI при восшествіи своемъ на престолъ, особенно способствовалъ тому, что все его царствованіе получило такой характеръ нерѣшительности. Молодой король, проникнутый идеей о своихъ обязанностяхъ и сознавая свою неспособность ихъ выполнить, прибѣгъ къ опытности семидесятипятилѣтняго старика, который впалъ въ немилость въ царствованіе Людовика XV за свою оппозицію королевскимъ любовницамъ. Но, вмѣсто мудреца, онъ нашелъ въ немъ только царедворца, губительное вліяніе котораго осталось на всю его жизнь. Морепа мало заботился о благѣ Франціи и о славѣ своего государя—онъ заботился только о томъ, чтобы не потерять его благосклонность. Въ качествѣ президента совѣта, онъ жилъ въ Версалѣ, въ комнатахъ, смежныхъ съ покоями короля; онъ повліялъ на умъ и характеръ Людовика XVI, сдѣлавъ ихъ нерѣшительными; онъ приучилъ его къ полумѣрамъ, къ смѣнѣ системъ, къ непоследовательности и, сверхъ всего, къ необходимости во всемъ дѣйствовать чужимъ умомъ, а не своимъ. Морепа пользовался правомъ выбирать министровъ. Эти послѣдніе по отношенію къ нему такъ же держались, какъ

онъ самъ по отношенію къ королю. Боясь потерять свой кредитъ, онъ держалъ въ отдаленіи отъ министерства людей сильныхъ своимъ связямъ и назначалъ министрами людей новыхъ, которые нуждались въ немъ, чтобы удержаться на мѣстѣ и проводить свои реформы. Онъ поочередно призывалъ и поручалъ веденіе дѣлъ Тюрго, Малербу, Неккеру, а они пытались вводить улучшенія, каждый въ той частн управленія, которая была имъ наиболѣе хорошо изучена.

Малербъ, происходившій изъ судейской семьи, наследовалъ истинныя добродѣтели, а не предразсудки парламентаризма. Свободный умъ соединялся въ немъ съ прекрасной душой. Онъ хотѣлъ каждому возвратить его права: осужденнымъ — возможность защиты; протестантамъ — свободу совѣсти; писателямъ — свободу печати; каждому французу — гарантію личности; онъ предложилъ отмѣну пытокъ, восстановление пантескаго эдикта, уничтоженіе бланковыхъ приказовъ объ арестѣ (*lettres de cachet*) и отмѣну цензуры. Тюрго, человѣкъ съ большимъ и сильнымъ умомъ, съ рѣшительнымъ характеромъ, съ необыкновенной силою воли, пытался осуществить еще болѣе широкіе замыслы. Онъ соединился съ Малербомъ, чтобы съ его помощью довершить учрежденіе такой административной системы, которая привела бы къ единству въ управленіи и къ равенству въ государствѣ. Этотъ добродѣтельный гражданинъ постоянно былъ занятъ мыслью объ улучшеніи судьбы народа: онъ одинъ предполагалъ сдѣлать все то, что позднѣе совершила революція, — уничтожить всѣ сервитуты и всѣ привилегіи. Онъ предложилъ освободить деревню отъ барщины, провинціи отъ ихъ заставъ, торговлю отъ внутреннихъ таможенъ, промышленность отъ всѣхъ стѣсненій и, наконецъ, заставить звать и духовенство платить налоги одинаково съ третьимъ сословіемъ. Этотъ великій министръ, про котораго Малербъ говорилъ, что у него голова Бэкова, а сердце Лопиталья, хотѣлъ, при помощи провинціальныхъ собраній, приучить націю къ общественной жизни и приготовить ее къ восстановленію генеральныхъ штатовъ. Если бы онъ удержался на своемъ мѣстѣ, онъ бы произвелъ революцію пу-